

Гармония экономической и экологической политики, или Переход от национально-экономической к экологической политической парадигме? (размышления по поводу книги «В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии», авторы Н. А. Борисов, В. А. Волков)

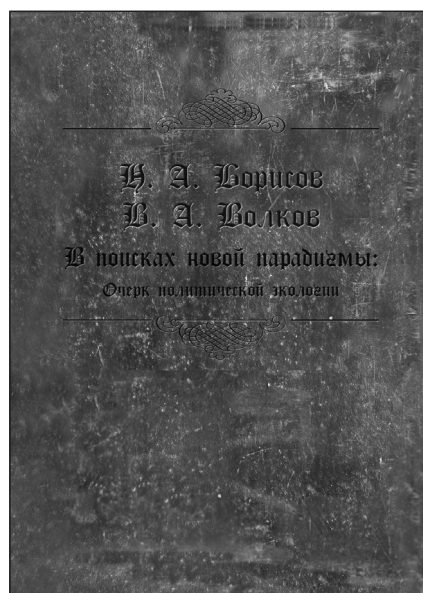
Harmony of Economic and Environmental Policy or Transition from National and Economic to an Ecological Political Paradigm? (Reflections Concerning the Book "In Search of a New Paradigm: sketch of Political Ecology", authors N. A. Borisov, V. A. Volkov)

Борисов Н. А., Волков В. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии : монография / Н. А. Борисов, В. А. Волков. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014. 144 с.

ISBN 978-5-89781-517-3

Почти 150 лет тому назад немецкий биолог Эрнст Геккель заявил о необходимости изучения взаимодействия живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой и предложил термин для нового знания — экология. Перманентно усиливающееся воздействие человека на природу, нарастание противоречия между хозяйственной деятельностью человека и средой обитания, между возрастающими потребностями экономических субъектов в использовании ресурсов природной среды и снижающимися возможностями природы удовлетворить эти потребности, между общественными и частными интересами в решении об использовании природных ресурсов привели к расширению смысла этого термина. Масштабность экологических проблем, умножающееся внимание общества к ним, все более широкое осознание глобального характера происходящих в окружающей среде изменений не только породили появление новой области исследований, но и превратились в вызов для тех, кто принимает политические и экономические решения. В ряду глобальных проблем, стоящих в начале XXI в. перед человечеством, особо выделились две: мировая война с применением ядерного оружия и экологическая катастрофа. Это не случайно: антропогенное давление на природную среду грозит тем же, что и ядерная война: возможностью уничтожения жизни на земле.

Низкая эффективность единичных факультативных и разрозненных мероприятий в сфере охраны окружающей среды настоятельно требовала системного комплексного подхода, направленного на обеспечение экологической безопасности, как на локальном, так и на региональном, государственном и международ-

ном уровнях. Начало рациональной природоохранительной деятельности связано с формированием экологической политики развитых государств. Внимание мировой общественности привлекается к проблемам охраны окружающей среды. В 1962 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию: «Экономическое развитие и охрана природы». Существенную роль в становлении экологической политики сыграла политическая наука. Так, американский политолог Линтон К. Колдуэлл своей статьей «Окружающая среда: новое направление государственной политики?» фактически инициировал необходимость выработки государственной политики по отношению к окружающей среде как к единому целому [2, р. 132–139].

Отметим здесь крайне прагматичную и нужную нам для анализа представленной монографии мысль этого исследователя: «всеобъемлющее рассмотрение экологических проблем приведет к снижению количества ошибок, а, следовательно, и к лучшим политическим решениям. Здесь, впрочем, необходимо оговориться: *данный подход не панацея* (выделено — И. Р.). Концентрация на окружающей среде облегчит, но не приуменьшит политическую задачу согласования огромного множества различных интересов и ценностей. Научная база и содержание решений, концентрирующихся на окружающей среде, без сомнения, превзойдут данную составляющую наших типично сегментарных решений» [Op. cit., р. 138].

Действительно, с начала 90-х гг. в зарубежной и отечественной политической мысли появилось большое количество исследований, посвященных экологической проблематике. В них акцентируется внимание на эффективности государственной экологической политики, участии неправительственных организаций в экологически ориентированных мероприятиях, обсуждаются направления формирования экологического сознания индивидов и связанного с ним поведения. В теоретическом отношении пользуются популярностью концепции нового экологического государства, экологической модернизации.

В связи с высказанными соображениями, актуальность подготовленной Н. А. Борисовым и В. А. Волковым монографии «В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии» не вызывает сомнений. Авторами проделана большая работа по осмыслению политических аспектов экологического кризиса, экологической политики. Уже сам по себе факт приглашения читателей к обсуждению проблем экологии в условиях фактического игнорирования антропогенных угроз большинством населения Земли вызывает уважение. Авторы словно стремятся разбудить слабое российское экологическое сознание, умышленно обостряют некоторые проблемы, вызывая тем самым и интерес к своей книге, и желание участвовать в решении этих важнейших витальных проблем. Именно поэтому читать данную книгу интересно. Ценность ее тем более возрастает, что хочется не просто соглашаться с идеями авторов, а спорить, возражать и вместе идти к поиску ответов на важнейшую проблему: сохранения окружающей среды.

Авторы в начале своего труда выдвигают гипотезу о том, что человеческое сообщество находится на стадии перехода от национально-экономической политической парадигмы к экологической парадигме. По их мнению, суть этого перехода состоит в глобальной смене способа политического мышления двадцатого столетия, опиравшегося на убеждение, по которому человечество делится на политические единства согласно экономическому основанию. Авторы считают, что эффективность экономического развития, обусловленная способом организации экономики определенными народами, делила мир на три большие группы — страны первого, второго и третьего мира, а мир экономики базировался на представлениях о бесконечности экономического прогресса, основанного на неисчерпаемости природных ресурсов и стабильности условий деятельности на планете. Поскольку это мышление и политическая практика представляются, как утверждается в пособии, устаревшими и даже опасными, на смену им неизбежно приходит экологическая парадигма.

В первой главе книги Н. А. Борисов и В. А. Волков сосредотачивают свое внимание на анализе экологического кризиса, рассматривая его как предпосылку становления политической экологии. Делается вывод, что после того, как во второй половине XX в. человечество обнаружило свои пределы роста, возникла потребность в переходе к экологической политической парадигме — новому способу мышления, позволяющему выяснить, что современные отношения общества и природы приводят к истощению, дефициту природных ресурсов и к негативному изменению условий существования человечества. Авторы считают, что конфигурация политического разделения человеческого сообщества начинает меняться в зависимости от доступности и способности контролировать природные ресурсы и способности восстанавливать безопасную среду обитания. Будущее же современной политики строится на предположении того, что политическая экономика, как ее сущность, сменяется политической экологией [1, с. 5]. Перспектива, по их мнению, — за экологическим государством, в котором «экономика уже не является основанием политики. Наоборот, экономика с необходимостью выстраивается на фундаменте политической экологии» [1, с. 82].

Исходя из своих рассуждений о нарастающем экологическом кризисе, Н. А. Борисов и В. А. Волков делают вывод о качественном изменении содержания современной экологической политики. Они отмечают, что «если ранее в понятие экологической политики включалась лишь политика, направленная на охрану и оздоровление окружающей природной среды, рациональное использование и возобновление природных ресурсов, то в настоящее время в это понятие необходимо включить программы по системному преобразованию глобальной хозяйственной деятельности на принципах экологической достаточности и развитию социосферы, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность и экологическую безопасность человека» [1, с. 9]. Авторы пишут, что «сохранение человечества, обеспечение его экологической безопасности становится *экологическим императивом* (выделено — И. Р.) международной и региональной экологической политики». С подобными мыслями трудно не согласиться. Однако дальнейшая логика авторов вызывает недоумение. В монографии фиксируется, что «исходным механизмом такой политики выступает баланс интересов» [Там же]. Правомерно возникает вопрос: чьих интересов? Экономически конкурирующих субъектов или субъектов экономики и государства? Или государства и общества? А может быть, государств в регионе? Понятно, что без ответа на подобные вопросы нельзя достичь никакого баланса интересов.

Поставив перед собой задачу формулирования новой методологии, адекватной современным проблемам, авторы в первой главе ведут речь о политических парадигмах, которые представляются им «ключом к политическому мышлению». Вместе с тем, исходное понимание политической парадигмы как «исторически обусловленного принципа осмысления основания, по которому человеческое сообщество делится на политические единства», является недостаточно убедительным. В работе используется определение политической парадигмы профессора В. А. Волкова, которое он сформулировал в книге «В поисках свободы: очерки истории политической философии» [1, с. 249]. Но признаем, что это определение не определяет качественных характеристик этой парадигмы. Отсутствие же таких характеристик ставит под сомнение предлагаемую в пособии типологию: выделение античной цивилизационно-этической, средневековой, теологической, национально-экономической и экологической политических парадигм [1, с. 14].

И если, в соответствии с этой логикой, политические единства, характерные для античного мира, можно, в принципе, разделить на цивилизованные и варварские [1, с. 16], для средневековья — на христианские, мусульманские, иудейские и языческие [1, с. 17], то, начиная с Нового времени выделение «политических единств» в этой логике становится проблемой. Поэтому принять безоговорочно появление в этот период, как говорится в рассматриваемой работе, двух «политических единств»:

наций и национально-экономических систем, становится невозможным. Еще больше проблем возникает с выделением современных «политических единств» на базе эколого-политической парадигмы. Авторы ведут речь о политическом разделении мира по *новым экологическим критериям* (выделено — И. Р.). К таким критериям они относят: во-первых, отношение к сырьевым ресурсам, а, во-вторых, размер богатства [1, с. 63]. В частности, говорится: «наличие или отсутствие природных ресурсов делит мир на политические сообщества с противоположными установками и целями» [1, с. 61]. Но что это за единства, остается фактически загадкой. Если это богатый Север и бедный Юг или золотой миллиард евро-американской цивилизации и остальной мир, о которых рассуждают Н. А. Борисов и В. А. Волков, то назвать эти выделенные группы «политическими единствами» вряд ли возможно. Невольно приходишь к сомнению в возможности разделения мира по параметру наличия или отсутствия тех или иных природных ресурсов и размеров богатства. Гипотетически такое разделение допустимо. Но эвристической ценности от такой констатации давно известного разделения государств нет.

Помимо этого, некоторые суждения, которыми в работе описывается «экологическая политологическая парадигма», требуют уточнения. Так, в монографии декларируется, что «либерально-правовые ценности правового национального государства не могут быть признаны за всеми государствами и природой» [1, с. 24]. Интересно, почему? Где аргументы, доказывающие эти положения и необходимые для логики книги? Еще более удивительным звучит утверждение, что «ограниченность ресурсов *заставляет государства*, которые создают особо большую антропогенную нагрузку на природу, заявлять об *общей принадлежности природных ресурсов планеты*» (выделено — И. Р.). Противопоставляя государства с точки зрения наличия или отсутствия природных ресурсов на страны-экспортеры и страны-потребители, авторы делают, как представляется, ошибочные выводы о «праве борьбы за ресурсы вплоть до военных операций» [1, с. 61], о том, что «самая эффективная защита собственной территории, защита природных богатств обеспечиваются экологическим оружием, которое наносит абсолютно неприемлемый ущерб территории противника» [1, с. 64]. К такому оружию авторы относят ядерное, химическое, бактериологическое, геофизическое, биологическое и климатическое [1, с. 64]. Таким же ошибочным представляется и утверждение, что «современные политические союзы в лице государств, ТНК вынуждены использовать насилие и угрозу применения насилия как главный инструмент в обеспечении энергетической безопасности своего жизненного мира» [1, с. 66].

Объявлять ядерное оружие, другие виды оружия массового уничтожения самым надежным гарантом мира, защиты государств — это значит, провоцировать стремление многих государств к его получению. Обладание ядерным оружием тем или иным государством действительно создает иллюзию защищенности. Но такое оружие на самом деле — главная угроза миру и человечеству, поскольку надежность обеспечивается, прежде всего, международно-правовыми средствами: мирными, а не военными средствами разрешения споров; разоружением, а не вооружением, тем более оружием массового уничтожения; мерами по предотвращению неправового применения военной силы, войны, агрессии; распространением мер укрепления доверия и др. Военная безопасность, как национальная, так и международная, не достигается военной мощью. Она достигается «снятием» причин, порождающих противоречия в отношениях между государствами. Повторим, иллюзия безопасности может создаваться военной, в том числе и ядерной мощью, но это лишь иллюзия.

Заметим, что в монографии нет единого авторского подхода к политической экологии. В одном случае она понимается как особая сфера политического знания, в другом как «жизненный мир человека, в котором экологический кризис разделяет людей на противоборствующие политические единства» [1, с. 56].

Но, в сущности, что есть «политическое единство» и что, в данном случае, означает термин «жизненный мир»? Насколько корректно использовать здесь этот концепт Э. Гуссерля, получивший развитие в трансцендентальной философии и феноменологии? Можем ли мы, основываясь на его понимании, согласиться с тем, что предметом политической экологии является жизненный мир человека — мир его ценностных состояний сознания, тех трансцендентальных смыслов, которые обладают для него априорной значимостью? Заметим, не мир повседневности, а духовный мир, идеальный опыт мира, мир нравственности, мир трансцендентальных ценностей культуры?

Анализ содержания книги позволяет сделать вывод, что авторы отошли от понимания политической экологии лишь как отрасли знаний о системе выработки и принятия решений в области использования ресурсов биосферы. Предлагаемой моделью (структурной схемой) «концепта политической экологии» они расширяют представление о политической экологии: от процессов «выработки понятия экополитической национальной безопасности» [1, с. 86] до «создания глобальной системы охраны окружающей среды (жизненного мира)» [1, с. 87] и «третьей составляющей политической экологии, состоящей в последовательном создании экологического государства» [1, с. 86]. При этом заметим, что предлагаемый авторами термин «экополитическая безопасность» также вызывает сомнения, тем более в сочетании «экополитическая национальная безопасность» [1, с. 86]. В монографии под ним понимается «обеспечение доступа *политического субъекта* (выделено — *И. Р.*) к совокупности ограниченных природных ресурсов как условию сохранения своего экополитического суверенитета, а также обеспечение контроля над техногенными воздействиями и катастрофами» [1, с. 67] и декларируется как «условие политического существования» [1, с. 86].

Представляется, что совершенно справедливой постановка экологической проблемы должна быть дополнена анализом того, как наиболее развитые индустриальные государства занимаются сегодня решением экологических проблем. В связи с этим вызывает удивление, что в представленной монографии не нашлось места проблемам концепции экологической модернизации. Напомним, что эта концепция была выдвинута немецкими учеными М. Еникке и Й. Хубером, которые видят выход из экономического кризиса в углублении в процесс модернизации [3, р. 77–78].

Признавая справедливость критических оценок этой концепции, связанных с некоторыми недооценками проблем окружающей среды как таковой, вместе с тем отметим, что следует согласиться с тем, что ее авторы совершенно справедливо заявляют, что если на ранних стадиях модернизации главенствовала экономическая рациональность, то в современных условиях начинают задавать тон другие формы рациональности: все более весомую роль в процессе принятия экономических решений начинает играть экологическая оценка. В свою очередь, при оценке экологических последствий учитывается экономическая оценка. Такой взвешенный подход действительно может привести к экологическим реформам, которые не требуют радикальных социальных и политико-экономических преобразований.

Представляется, что в реальной политике этот подход, выраженный немецкими учеными, более практичен, эффективен и привлекателен для бизнесменов, да и политиков, нежели выдвигаемое в монографии утверждение о необходимости перехода к экологической парадигме.

В контексте этих рассуждений кажется более удачным и целесообразным в настоящее время говорить об экологически ориентированном или эколого-ответственном, а не экологическом государстве. Справедливости ради укажем, что в работе упоминается термин «эколого-ответственное государство». Правда, авторы, используя его, считают, что такое государство возникает лишь «перед лицом угрозы смерти цивилизации». И далее: «Принцип ответственности является тем пунктом, с которого начи-

нается экологическое государство» [1, с. 81]. Остается загадкой, почему эколого-ответственное государство возможно только в таких экстремальных условиях?

Думается, что особую востребованность данной работы вызовет то, что авторы в специальной главе исследуют экологическую политику Санкт-Петербурга, дают обстоятельный перечень федеральных законов и нормативных актов субъектов Российской Федерации в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Авторы на конкретных примерах показывают важность принятого Постановления «Экологическая политика Санкт-Петербурга» на период до 2030 года»¹.

Размышляя о книге в целом, хочется отметить, что авторы достигают главной задачи: книга заставляет задуматься над тем, что есть пределы вмешательства человека в природу. Только в XX столетии на природную среду легла нагрузка, вызванная 4-кратным ростом численности населения и 18-кратным увеличением объемов промышленного производства. Нерациональное природопользование, загрязнение природной среды отходами, оскудение генофонда требуют сегодня, как вытекает из книги, уже не просто осмысления этих угроз, а действенной системной работы по их разрешению. При этом авторы делают правильный вывод, что экологические проблемы являются отнюдь не результатом отдельных ошибок и просчетов кого-либо, а коренятся в самом способе бытия человека в индустриальном обществе. Поэтому только технологически решить эти проблемы не представляется возможным.

Радиков Иван Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры теории и философии политики
Доктор политических наук
polit@spbu.ru*

Radikov Ivan Vladimirovich

*Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the Theory and Philosophy of Policy
Doctor of Science (Political Science)
polit@spbu.ru*

Литература

1. Борисов Н. А., Волков В. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии : монография / Н. А. Борисов, В. А. Волков. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014.
2. Caldwell L. K. Environment: A New Focus for Public Policy? // Public Administration Review. Vol. 23. N 3. 1963.
3. York R., Eugene A. Rosa, Thomas Dietz. Ecological modernization theory: theoretical and empirical challenges // The international handbook of environmental sociology / ed. by Michael R. Redclift and Graham Woodgate, 2nd edition. Cheltenham: Edward Elgar, 2010.

References

1. Borisov N. A., Volkov V. A. *In search of a new paradigm: sketch of political ecology* [V poiskakh novoi paradigmy: ocherk politicheskoi ekologii]. SPb. : Publishing centre of NWIM of RANEPa [SZIU RANKhiGS], 2014.
2. Caldwell L. K. *Environment: A New Focus for Public Policy?* // Public Administration Review. Vol. 23. N 3. 1963.
3. York R., Eugene A. Rosa, Thomas Dietz. *Ecological modernization theory: theoretical and empirical challenges* // The international handbook of environmental sociology / ed. by Michael R. Redclift and Graham Woodgate, 2nd edition. Cheltenham: Edward Elgar, 2010.

¹Правительство Санкт-Петербурга. Постановление от 18 июня 2013 г. N 400 «Об экологической политике Санкт-Петербурга на период до 2030 года».